

Л. В. СУМАТОХИНА

Максим Горький и Вячеслав Шишков о русском крестьянстве (к вопросу о личных и творческих отношениях писателей в 1920-е годы) *

В истории взаимоотношений В. Я. Шишкова с М. Горьким до сих пор остаются пробелы и необъясненные противоречия. Возможно, обращение к теме русского крестьянства в творчестве Шишкова, с одной стороны, и в письмах и публицистике Горького — с другой, поможет восполнить и прояснить некоторые из них.

Современниками и потомками Шишков воспринимался, в первую очередь, как «сибирский» писатель. Он оставался верным этой теме. Уезжая из Сибири, писатель отвечал на упреки Г. Н. Потанина: «...в Сибири я прожил двадцать лет, это вторая моя родина <...> я переполнен впечатлениями, которых хватит мне на всю жизнь...»¹. Автор первой книги — очерка творчества Шишкова — М. Майзель связывал с «замкнутостью» на сибирской теме «слабый литературно-общественный резонанс» творчества Шишкова: даже к середине 1930-х гг. критика не дала сколько-нибудь серьезного обзора творчества одного из известных и плодovitых писателей современности².

После революции второй магистральной темой в творчестве Шишкова становится деревенская тема. Однако современному читателю Шишков практически неизвестен как автор многочисленных произведений о русском крестьянстве в трагическую и переломную для его судьбы эпоху. Началась она с заметок и очерков, опубликованных в эсеровской газете «Воля народа» (в основном в 1917 г.), и небольших пьес, написанных Шишковым в 1919 — начале 1920-х гг.

* Впервые: Сибирские огни. 2010. № 3. С. 163–170.

¹ Шишков Вяч. Автобиография // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1987. С. 8–27. С. 25.

² Майзель М. Вячеслав Шишков: Критический очерк. Л.: Художественная лит-ра, 1935. С. 7–8.

Пьесы «Мужичок», «Грамотеи», «Вихрь» были посвящены деревне. Действие пьесы «Старый мир» разворачивалось в сибирской глубинке.

В письме В. Бахметьеву 23 августа 1920 г. Шишков подробно рассказывал, как он «заделался драматургом»: «Очень занятное это ремесло, много веселей, чем беллетристика. Сочинишь комедию, а потом, Господи помилуй, перед тобой на сцене живые люди, рожденные не утробой матери, а твоей собственной головой. Да другой раз такое на сцене загнут, что от души хохочешь! Народ веселый. Мелодрама в 4-х действиях “Старый мир” <...> уже 5 раз шла в государственном Василеостровском театре, с большим успехом. На первом дважды вызывали автора. Пойдет еще в двух-трех петербургских театрах <...>. Главный режиссер Саратовского городского театра увез пьесу к себе для постановки. Вторая вещь — “Мужичок” — в сущности, получила, неожиданно для меня сатирический оттенок, да настолько, что после 20 раз постановки в театрах здешних ее, матушку, сняли со сцены. Но все равно пойдет, она издана Государственным книгоиздательством и всюду распространяется. <...> И еще <...> начал писать пьесу из крестьянской жизни, где покажу всю подлую изнанку войны, что она сделала с деревней»³.

Деятельность Шишкова-драматурга была столь активной, что в одном из писем Горький характеризует его именно в этом качестве. 30 декабря 1920 г. Горький писал С. И. Грушевскому: «Обращаюсь к Вам с убедительнейшей просьбой передать комнаты Каплуна и Янковской в доме № 4 по Троицкой Вячеславу Яковлевичу Шишкову и Ксении Михайловне Жихаревой. В. Шишков — известный наш литератор, чья пьеса “Мужичок” идет с таким успехом в столицах и провинции, автор очень хорошей пьесы “Старый мир”, тоже имеющей крупный успех на сцене Василеостровского театра, — человек вполне заслуживающий внимания и литератор значительный. К. Жихарева — одна из лучших наших переводчиц...»⁴. Письмом Горький оказал семье Шишкова спасительную по тем временам бытовую помощь, о чем с благодарностью вспоминали и Шишков («Встречи»), и К. М. Жихарева, его вторая жена, талантливая переводчица.

Драматургом («слабым очень»⁵, по собственной скромной оценке) Шишков стал с легкой руки Горького. Завершая воспоминания о Горьком «Встречи», Шишков писал о предложении Горького под-

³ Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. Л.: Ленинградское газетно-журнальное изд-во, 1956. С. 254.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 13. М.: Наука, 2007. С. 149.

⁵ Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. С. 263.

ключиться к написанию серии маленьких пьесок для народа. Шишков согласился написать «бытовую вещь», Горький «окрестил» его пьесу «Мужичок»⁶.

К. М. Жихарева вспоминала: «“Мужичок” очень понравился Алексею Максимовичу, он смеясь говорил, что Вячеслав Яковлевич его “подвел”, так как, читая рукопись и перейдя ко второму акту, изображавшему мнимый возврат царской власти, он испугался за автора: “Ошалел он, что ли?”»⁷.

В «Мужичке» сталкиваются в комическом конфликте «отцы» и «дети» (Вавилыч — и непокорный сын с дочерью), деревня и город. Конфликт подчеркнут композицией: первое действие происходит в городском общежитии, второе — в деревенской избе. Столкновение города и деревни, представленное у Шишкова в комическом варианте, — преобладающая идея Горького в первые послереволюционные годы. Конфликт «Мужичка», как и положено в комедийном жанре, благополучно разрешается: дети — самодеятельные актеры — разыгрывают перед отцом возвращение старой власти, несущей возмездие за неприкрытый грабеж бывших имущих классов, наглядно убеждая его в том, что новая власть, при которой он «обогатился», несравненно лучше.

Горькому, безусловно, импонировало сатирическое изображение духа стяжательства, инстинкта собственника в образе Вавилыча. В брошюре «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922) он писал: «В 1919 году милейший деревенский житель покойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выменивая у него на хлеб и картофель все что нужно и не нужно деревне. Не хочется говорить о грубо насмешливом, мстительном издевательстве, которым деревня встречала голодных людей города. Всегда выигрывая на обмене, крестьяне — в большинстве — старались и умели придать обмену унижительный характер милостыни, которую они — нехотя — дают барину, “прожившемуся на революцию” <...> деревня хорошо поняла зависимость города от нее, до этого момента она чувствовала только свою зависимость от города»⁸. «Мужичок» содержит ряд ярких иллюстраций этих мыслей Горького. Мимоходом, как бы невзначай, Вавилыч забирает сапоги у сына и ситец у дочери, насмехаясь над ними,

⁶ Шишков В. Я. Встречи // Горький и Сибирь: Письма, воспоминания / сост. С. Е. Кожевников, А. Л. Коптелов. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1961. С. 302–317. С. 315, 317.

⁷ Жихарева К. М. Десять лет // Воспоминания о Шишкове. М.: Сов. писатель, 1979. С. 76–86, 83.

⁸ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1922. С. 35, 37.

«горожанами». «Смесь избы и салона» — такая ироническая ремарка открывает второе действие пьесы Шишкова. Вавилыч, в ожидании новых «просителей», бахвалится своим положением. Шишков и посмеивается над невежеством и нравственной неразвитостью героя и сострадает ему.

В марте 1920 г. рецензенты отмечали сценичность, правдивость и художественную точность «Мужичка» — чем объясняли ее успех у зрителей: «И самая тема, и факты, приводимые в виде иллюстраций, всем знакомы и по устным и печатным рассказам <...> многое схвачено с натуры с поразительной верностью»⁹.

В середине 1920-х гг. отношение критики к трактовке деревенской темы начинает меняться. Пьесы Шишкова оцениваются уже совсем в другом тоне. В. Луговской с едкой иронией называет «Мужичка» «неким шедевром», главное действующее лицо — «солидным мужиком, кулацкого типа» и, пересказав содержание пьесы в таком духе, делает характерный вывод: «Зачем нужна такая политически неграмотная галиматья — неизвестно?!»¹⁰

Похожей была судьба маленькой пьесы-шутки «Грамотеи» — о ликвидации неграмотности на селе. Пьеса с успехом ставилась в деревенских клубах — при участии автора. Шишков писал Г. А. Вяткину 25 июня 1921 г.: «Мы только что с Ремизовым возвратились из деревни, ездили за Лугу, читали в народном доме и школах, я ставил свою маленькую двухактную пьесу “Ликвидация” [безграм<отности>] — как в деревнях старух и стариков грамотности обучают»¹¹.

Впечатления от ее постановки легли в основу сюжета «Спектакль в селе Огрызове». И пьеса, и рассказ пользовались в 20-е годы неизменным успехом. Однако Луговской оценивает ее так: «“Грамотеи” того же Вячеслава Шишкова — шутка в 2 сценах, очень нудно рисующая насаждение грамотности на селе <...> неимоверная сусальность, неверный в принципе подход к теме делают эту пьесу прямо вредной»¹².

Другой жанровой формой, в которой Шишков разрабатывал крестьянскую тему, с 1917 года стал жанр очерка. Напечатанный в «Красной нови» цикл очерков Шишкова «С котомкой» очень понравился

⁹ Носков Н. «Мужичок» // Жизнь искусства. 1920. № 401–402. 18–19 марта. С. 2; См. также: Х-ъ «Мужичок» в Смольнинском Народном Доме // Жизнь искусства. 1920. № 395–398. 12–15 марта. С. 1; Б. п. Вяч. Шишков «Мужичок»: Сцены в двух картинах <Рец.> // Книга и революция. 1921. № 8–9 (февр.-март). С. 84.

¹⁰ Луговской В. Пьесы. Театр в клубе. Сборник 1-й... <Рец.> // Книгоноша. 1926. № 11. С. 14–15.

¹¹ Отдел рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 11.

¹² Луговской В. Пьесы. Театр в клубе. Сборник 1-й... С. 14–15.

Горькому: «...такие, как Ваши, очерки современной деревни, замечательно своевременно и хорошо рисуют текущую жизнь»¹³.

17 августа 1925 г. на вопрос В. И. Нарбута, возглавившего издательство «Земля и фабрика», стоит ли переиздавать «Тайгу» «и издавать вообще Вяч. Шишкова?», Горький твердо отвечал: «Конечно — издавать. Это неплохой и грамотный писатель. <...> Я бы издал и “Тайгу” и “С котомкой” — очерки, которые он печатал в “Красной нови”»¹⁴.

В середине 1920-х гг. под влиянием многочисленных писем об изменениях в деревне Горький постепенно смягчает свое отношение к ней. В их числе — большое письмо Шишкова от 17 ноября 1925 г., в котором он в частности писал: «...Постепенно проясняется и советская наша жизнь: из хаоса, тумана постепенно рождаются радующие сердце факты нового строительства, внутреннего и внешнего. Я летами путешествую по деревням, в прошлом году в Костромской, нынче в Новгородской губернии, присматриваюсь, взвешиваю и вижу: делается новое, мужик стал цепким, локти врозь — стал зубастым, лезет на хутора, заводит многополье, сеет клевер, выращивает племенной скот, жрет самогонку и, в пьяном виде, конечно, поругивает советскую власть. Но в душе, конечно же, думает, что это власть всамделишная, она старается для мужика»¹⁵.

30 декабря 1925 г. в письме Д. А. Лутохину Горький упоминает Шишкова среди писателей, свидетельствующих об изменениях деревенской жизни в лучшую сторону: «Иван Вольный пишет мне: “особенно радостно глядеть на деревню, которую болезненно люблю со всей ее дикостью и хамством. Старое — кончилось, старое злобно умирает. Туда ему и дорога”. Вот эти заявления о конце старого идут от самых разнообразных наблюдателей жизни: от Вяч. Шишкова, М. М. Пришвина, Акульшина, Клычкова и т. д. Не очень верю, — но невольно радуюсь»¹⁶.

И пьесы, и очерки Шишкова тесно связаны по содержанию с его юмористическими («шутейными») рассказами 1920-х годов. Большая часть «шутейных рассказов» Шишкова также описывает — в сатирическом и юмористическом ключе — жизнь новой деревни. Об отношении Горького к этому обширному пласту творчества Шишкова

¹³ Горький и Сибирь: Письма, воспоминания / сост. С. Е. Кожевников, А. Л. Коптелов. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1961. С. 302–317. С. 136.

¹⁴ Архив А. М. Горького. Т. X: А. М. Горький и советская печать. Кн. 1. М.: Наука, 1964. С. 62, 64.

¹⁵ Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. С. 261.

¹⁶ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 29. С. 453.

1920-х годов судить затруднительно. С одной стороны, известна его положительная оценка знаменитого рассказа Шишкова «Спектакль в селе Огрызове»¹⁷. Часто цитировалась и фраза, подчеркнутая Горьким в письме Шишкова и с одобрением повторенная им в ответном послании: «“Тянет на смешное, чтобы весело было читать”, — говорите Вы. Меня этот лозунг Ваш радует очень, на мой взгляд — это как раз то самое, что уже давно необходимо нам. Умный смех — превосходный возбудитель энергии»¹⁸.

С другой стороны, в начале 1933 г. Горький писал Е. Добину по поводу статьи Шишкова о приемах литературного творчества: «Очень жаль, что В. Шишков написал и напечатал «Шутейные рассказы», — ему, должно быть, неизвестно, что лет за 50–60 до наших дней такие грубые, глумливые рассказы фабриковал некий Миша Евстигнеев, что тогда эта “литература” называлась лубочной. Статейка, в которой Шишков общается молодым писателям о том, как он сочинял “шутейные”, вызвала у меня мрачное настроение, и я бы дружески посоветовал Шишкову уничтожить рукопись этой статьи, ибо она его, как литератора, серьезно компрометирует»¹⁹. Е. Добин спустя десятилетия недоумевал по поводу такой жестокой оценки. Он писал Н. Н. Яновскому 1 марта 1976 г.: «Шутейные рассказы очень мне понравились, и я заказал Вячеславу Яковлевичу для “Литературной учебы” статью о его опыте в этом жанре. Просил его остановиться подробнее на приемах, вызывающих комический эффект. Вячеслав Яковлевич написал, на мой взгляд, отличную статью, и я послал ее Алексею Максимовичу с полной уверенностью, что он ее одобрит. Но... к моему крайнему огорчению, он прислал разносный (и несправедливый) отзыв»²⁰.

Подобная оценка Горьким произведений Шишкова далеко не единственная. Холодный тон и резкость — неизменные спутники высказываний Горького о произведениях Шишкова в 1930-е гг. До сих пор вполне определенно не выяснено, что стало главной причиной или конкретным поводом резкой перемены в оценке Горьким творчества Шишкова. Вероятно, их было несколько. Рискнем предположить, что «крестьянский вопрос» сыграл здесь не последнюю роль.

Между «светлой» и «темной» полосой в отношении Горького к Шишкову было опубликовано произведение, которое можно назвать

¹⁷ См.: *Мирошниченко Г.* Талант, принадлежащий народу // *Воспоминания о В. Шишкове*. М.: Сов. писатель, 1979. С. 199–215.

¹⁸ Горький и Сибирь: Письма, воспоминания. С. 302–317. С. 135.

¹⁹ Архив А. М. Горького. Т. X: А. М. Горький и советская печать. Кн. 2. С. 317.

²⁰ *Яновский Н. Н.* Вячеслав Шишков: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1984. С. 178.

кульминацией и итогом развития крестьянской темы в творчестве Шишкова.

Повесть «Дикольче» была написана в 1927 г., но ее публикация в московском издательстве «Земля и фабрика» была запрещена Главлитом. В 1928 г. Шишков настойчиво добивался разрешения печатать «Дикольче». 29 марта 1928 г. датировано обращение Ленинградского отдела Правления Всероссийского союза писателей в его Московский отдел: «Ленинградский Отдел Правления просит Московский Отдел возбудить соответствующее ходатайство о снятии запрещения с повести В. Я. Шишкова “Дикольче”, имевшей выйти в свет в издательстве “Земля и фабрика” и не допущенной к печати Главлитом. Зам. председателя Правления К. Федин. Секретарь Леонтий Раковский»²¹. 8 мая Московский Отдел отвечал, что «дело о снятии запрещения с повести В. Я. Шишкова “Дикольче” передано на решение Отдела Печати ЦК ВКП(б)»²². В 1929 г. повесть увидела свет в ленинградском журнале «Звезда».

Завязкой сюжета повести «Дикольче» становится спор крепкого хозяина Ксенофонта Ногова с лентяем и пьяницей Колченоговым, в разгаре которого Ногов предлагает завистливому приятелю, называющему его кулаком, поменяться имуществом. Трудясь изо всех сил, Ксенофонт приводит в порядок заброшенное хозяйство Дикольче, а его образцовый хутор приходит в полный упадок в руках Колченогова.

Шишков, настойчиво добивавшийся публикации повести, отчетливо осознавал, что она не пройдет незамеченной. «Дикольче» была написана на злобу дня и имела непосредственное отношение к текущей политике. «В № 1 “Звезды”, — писал он П. С. Богословскому 7 марта 1929 г., — напечатана повесть “Дикольче”. Печатной ругани еще не было, но <...> изустно ругают “со всех сторон”, т.е. с марксистских, разумеется»²³.

В статьях об искусстве и писательском труде Шишков неоднократно подчеркивал необходимость ясной идеи в художественном произведении. Идея в его понимании становится цементирующим началом, композиционным стержнем произведения. Потому и идея «Дикольче» предельно ясна, что сразу было намечено пристрастными критиками, истолковано как враждебный выпад и поставлено ему в вину. Эту идею Шишков ясно выразил в письме поэту С. А. Образовичу от 19 ноября 1928 г.: «Я думаю, что социалистическое строительство

²¹ Копии протоколов заседаний ЛО Правления ВССП. 1925–1930. Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Оп. 1. Ед. хр. 157–1–10. Л. 345.

²² Там же. Л. 344.

²³ Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 690. Оп. 3. № 231. Л. 53.

нашего государства зиждется на сильных, а не на слабых. Под сильными я подразумеваю не дельцов, не эксплуататоров, а людей сильных духом и любящих труд. Такой у меня Ксенофонт Ногов. Другой же тип — Дикольче, в противовес Ксенофонту, — лодырь, лежебока, пьяница, паршивая душонка, совершенно вредная на земле, не способная ни на какое строительство (даже на строительство собственной жизни). Это не тот бедняк-труженик, о правах которого заботится правительство, а злостный бедняк»²⁴.

Повесть «Дикольче» была истолкована критикой как вылазка «классового врага». Критик М. Гельфанд, главный и наиболее ожесточенный оппонент Шишкова, попытавшийся запустить процесс его политической травли в прессе, писал: «Более откровенного, более недвусмысленного выступления кулацкой идеологии мы не имеем в литературе последних лет. Даже определеннейшие социальные вождения клычковско-клюевской поэзии завуалированы кое-какой символикой. В «Дикольче» все карты раскрыты. Это почти агитка, это — цельная политическая и общественная платформа, переложенная на язык «забавной повести», почти притчи. <...> Какой фантазер — словно вопрошает автор — выдумал, что в деревне существует социальное неравенство и классовая борьба, <...> кулаки и бедняки? Ничего этого нет — отвечает «Дикольче» — а есть мужик; мужик бывает разный: умный и глупый, трудолюбивый и лодырь, нормальный и урод, Ногов и кольче-Ногов»²⁵.

В статье «Повесть о святом кулаке» М. Гельфанд не случайно отмечает фольклорные истоки образа: «...Ксенофонт Ногов, русский богатырь, длиннополеновский Святогор <...> и помимо всего прочего — золотое сердце»²⁶. В устах критика это, разумеется, не похвала, а ядовитый сарказм. Сюжет повести Гельфанд интерпретировал как враждебную «мораль»: «Бедняк Дикольче по сути дела экспроприировал, при содействии советских властей, богатого Ксенофонта, но так как эта экспроприация была нарушением всех законов труда и природы, то в конечном итоге в положении Дикольче и Ксенофонта ничто не изменилось. Оба остались при своей, положенной им от природы, участи»²⁷. Особую ярость у него вызвали идеи, вложенные Шишковым в уста деревенского агронома — идея взаимной помощи и христиан-

²⁴ Цит. по: Яновский Н. Н. Вячеслав Шишков. С. 150.

²⁵ Гельфанд М. Журнальное обозрение // Печать и революция. 1929. Кн. 4 (апр.). С. 80–96, 86.

²⁶ Гельфанд М. Повесть о святом кулаке // Комсомольская правда. 1929. № 70 (1157). 27 марта. С. 2.

²⁷ Там же.

ского сострадания немощному (в душевном плане) Колченогову, мысль о том, что нет «чужих», все — «свои». Мысль, и правда, несовместимая с концепцией классовой борьбы.

«Вся статья построена на недомыслии, шулерской передержке, желании вычитать то, чего нет и быть не может», — сообщал Шишков П. С. Богословскому 4 апреля 1929 г.²⁸ Шишков ответил Гельфанду статьей «О труде и его паразитах», развивая и поясняя идею, которая составляет основу замысла «Дикольче». Ответил твердо, с полной уверенностью в своей правоте. Опираясь на текст повести, он обвинил критика в желании опорочить и извратить смысл повести: «Он, видимо, невнимательно читал повесть или вообще утратил чувство справедливости»²⁹. Шишков категорически утверждал, что никогда не имел намерения «извращать существующее положение в деревне, подсахаривать кулака, поносить трудящуюся бедноту и т. п.». Он писал, что ключевыми идеями повести были следующие: «а) спасение наше в большом, упорном, настойчивом труде; б) лодырничанье, разгильдяйство, пьянство тормозит как общее дело, так и благосостояние самих трудящихся; в) переход деревни к социализму возможен лишь в результате слияния усилий отдельных мелких трудовых хозяйств в товарищества, артели и т. д.»³⁰.

Тем не менее о Шишкове продолжали писать как о кулацком писателе — наравне с «кулацкими» поэтами Клычковым и Клюевым. «Что же это — художественный показ современной деревни <...>? Или откровенная кулацкая идеология? Над ответом задумываться не приходится. Задумываться приходится о другом: как может советский журнал печатать кулацкие “повести”»³¹. «Во главе кулацкой литературы — “лихая русская тройка”: Клюев, Клычков, Орешин. После опубликования “Дикольче” к этой тройке вплотную примкнул Шишков <...>. Это откровенная критика классовой политики советского государства в деревне»³².

В спор с Гельфандом вступили рапповцы³³. Защищая Шишкова от опасного обвинения в литературном вредительстве, они писали

²⁸ Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 690. Оп. 3. № 231. Л. 54.

²⁹ Шишков В. Я. О труде и его паразитах // Шишков В. Я. Мой творческий опыт. М.: Сов. Россия, 1979. С. 58–62, 60 (впервые напечатано в «Литературной газете» 13 мая 1929 г.).

³⁰ Там же. С. 58.

³¹ Рожков П. Кулацкая литература // Даешь. 1929. № 2 (май). С. <23>.

³² Бескин О. Певцы кулацкой деревни // Земля советская. М.; Л.: ЗиФ, 1930. № 3. Стлб. 199–214. Стлб. 203.

³³ См.: Сутырин В. О субъективных намерениях и объективных результатах: Открытое письмо Вячеславу Шишкову // Литературная газета. 1929. 1 июля;

о неудачном воплощении замысла, в котором изначально не было ничего «классово враждебного». С такой позиции по отношению к повести Федина «Трансвааль» начал свою статью Гельфанд, противопоставив Федину Шишкова. Гельфанд ответил своим оппонентам³⁴ и получил поддержку в лице Б. С. Ольхового, в 1928–1929 гг. занимавшего пост заместителя заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК. Ольховый писал в журнале «Книга и революция»: «Вполне допустимо, что В. Шишков хотел дать апологию трудолюбия, но объективно он в художественной форме выразил политическую идею кулачества <...>: “Зачем вы делите крестьян”? Нет крестьян — бедняков, середняков, кулаков. Есть более или менее старательные хозяева и именно от их старательности и “справности” зависит, богато или бедно они живут. Отсюда вполне логичный вывод: неправильно бороться с кулаком, нужно бедноте учиться у него хозяйничать»³⁵.

Читал ли Горький «крамольную» повесть Шишкова? Он внимательно следил за развитием советской литературы. По письмам И. А. Груздева Горький знал о журнале «Звезда», читал присылаемые ему номера (в частности, с произведениями Ю. Тынянова и К. Федина), оценивал в письмах опубликованные в журнале произведения и статьи. Летом 1929 г. Горький расспрашивал редактора «Звезды» В. Саянова о планах редакции³⁶, принял живое участие в судьбе журнала и в 1–4 номерах за 1930 год печатал отрывки из 3-ей книги «Жизни Клим Самгина». Несмотря на отсутствие прямых свидетельств и каких-либо письменных или печатных оценок Горьким повести Шишкова, велика вероятность, что он с ней ознакомился. В любом случае, скорее всего не прошли мимо его внимания упомянутые выше публикации в советской прессе в 1929–1930 гг. Если это было так, то на чьей стороне был Горький?

В декабре 1929 года Горький написал рецензию на «Ледолом» К. Горбунова (М.-Л., 1930) — «Хорошая книга». Горький хвалил книгу молодого автора, который «хорошо видит тяжелую драму борьбы коллективистов с индивидуалистами, бедняков с кулаками»³⁷. Горбунову, с его точки зрения, удались как «отрицательные характеры и явления» («Кулак Силаев, его сын Яшка, хитрый паразит Тараканов <...> слуга

Открытое письмо РАПП «Комсомольской правде» // Комсомольская правда. 1929. 3 авг.

³⁴ Гельфанд М. Тактичность во что бы то ни стало или принципиальная тактика? Открытое письмо тов. В. Сутырину // Комсомольская правда. 1929. 11 авг.

³⁵ Книга и революция. 1929. № 12. С. 23.

³⁶ Саянов В. Встречи с Горьким // Звезда. 1941. № 6 С. 145–151. С. 146.

³⁷ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 25. С. 68.

кулаков предсельсовета Окулов»), так и «характеры людей, вызванных к жизни для того, чтоб бороться против звериного сопротивления неспособных к новым формам хозяйства, не способных к приятию культуры»³⁸. Нас в данном случае интересует не книга Горбунова, о которой сегодня никто не помнит, а идейная основа оценки Горького, система координат, в контексте которой он оценивает конфликт произведения о современной деревне. Как видим, она противоположна художественной идее повести Шишкова.

«Дикольче» свойственны и другие неприемлемые для Горького особенности, в частности, стилистические. Юмор Шишкова почти целиком обусловлен простонародной традицией грубоватого балагурства. Это юмор бытовой сатирической сказки. Курьезные положения, на которых часто построено комическое в произведениях Шишкова (например, невольный, по ошибке, обмен женами), — на грани эстетического риска, но вполне в традиции народного театра и скоморошества. То, что казалось «превосходным возбудителем энергии» в середине 1920-х годов, вполне могло быть воспринято Горьким как грубый «лубок» на рубеже 1920–1930-х гг., в серьезную эпоху, когда вся страна, сжав зубы, строила социализм и боролась с врагами — подлинными и мнимыми.

Год «великого перелома» стал таковым и в отношении Горького к Шишкову, отношение Горького к творчеству Шишкова резко меняется — на прямо противоположное.

В декабре 1930 г. в статье «О литературе», как бы вскользь, размышляя о жанре очерка и условиях работы очеркистов, Горький дает жесткую оценку новой повести Шишкова: «...“Очеркисты” справедливо указывают, что неряшливо состряпанная беллетристика журналов, вроде, например, “Фильки и Амельки” Шишкова оплачивается как “высокое искусство”, — оценка, которой небрежная повесть эта не заслуживает, так же как и многие другие произведения именитых беллетристов»³⁹.

Эта оценка первой части повести о беспризорниках «Странники», напечатанной в журнале «Красная новь», стала для Шишкова полной неожиданностью. Л. Р. Коган вспоминал: «В глазах Шишкова Горький был великим авторитетом, и к мнению его он внимательно прислушивался. Помню, как был огорчен Шишков, когда Алексей Максимович однажды отозвался неодобрительно об отделке одного из его произведений. Это взволновало Вячеслава Яковлевича больше, чем любая разносная статья.

³⁸ Там же. С. 68–69.

³⁹ Там же. С. 257.

— Алексей Максимович даром не скажет, — твердил он, — значит, есть что-то...

И он тревожно и придирчиво пересматривал страницу за страницей, строку за строкой»⁴⁰.

Шишков существенно переработал «Фильку и Амелку» и в сентябре 1931 г. подарил Горькому отдельное издание повести «Странники» с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу с глубоким уважением. Вяч. Шишков. Детское Село, Московская 7. 24.IX.31 г.».. Это произошло сразу после личной встречи: 25 сентября Шишков писал В. П. Петрову, что «21 беседовал с Горьким»⁴¹.

Однако ни внесенные исправления, ни разговор с Горьким существенно изменить его восприятие творчества Шишкова уже не могли. В книге Горький сделал множество помет неодобрительного характера, иногда перечеркивая целые страницы⁴². Дело было, очевидно, не только в стилистических погрешностях автора «Странников».

На протяжении 1920-х гг. Горький выступал против «идеализации» деревенской жизни, питал, как и ранее, недоверие к мужику, имел представление о крестьянском труде как о физическом, низшем, нетворческом. Горький подчеркивал в крестьянском характере черты мещанина, стяжателя. Образ Ксенофонта Ногова и апология крестьянского труда в повести Шишкова «Дикольче» никак не вписываются в эту систему взглядов.

Обратим внимание на горьковскую публицистику 1930 г. — ближайший контекст статьи «О литературе», напечатанной в № 12 журнала «Наши достижения» за 1930 г. Июнь 1930 г.: «Мещанин <...> отлично понимает психологию крестьянина, идолопоклонника частной собственности, и все еще надеется, что массу мужика не сдвинешь с той почвы, в которую она вращалась» (статья «О солитере»)⁴³. Октябрь-ноябрь 1930 г.: «Главнейшее и самое значительное, что произошло за истекший год, — геологическая встряска, которую пережила деревня. Можно думать, что хребет кулака, “миroeда” — неизлечимо надломлен» («13 лет»)⁴⁴. Ноябрь 1930 г.: «Внутри страны против нас

⁴⁰ Коган Р. Л. Из воспоминаний // Воспоминания о В. Шишкове. М.: Сов. писатель, 1979. С. 105–155, 121.

⁴¹ Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. С. 275.

⁴² Книга Шишкова хранится в Личной библиотеке А. М. Горького (ЛБГ) в Москве. См.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве: Описание: в 2 кн. М., 1981. № 1667. См. также: Островская С. Д. Рукой Горького. М.: Сов. писатель, 1985. 240 с. С. 204–206.

⁴³ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 25. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. С. 181.

⁴⁴ Там же. С. 213.

хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует вывод: если враг не сдается, — его истребляют»⁴⁵. («Если враг не сдается, — его уничтожают»). 8 января 1930 г. Горький писал И. В. Сталину: «...После того, как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника»⁴⁶.

Горький верил в преобразование деревни на путях коллективизации, называл ее «великим геологическим переворотом» в деревне, был абсолютно уверен в том, что кулак на селе ведет ожесточенную борьбу, то есть является одним из тех врагов, которые «не сдаются». «В общественно-политической и литературной борьбе, развернувшейся в конце 20-х годов вокруг дальнейших судеб крестьянства, Горький оказался на стороне тех, кто без сожаления прощался со старой деревней, с беспощадностью рисовал ее дикие нравы и темноту и, напротив, резко осуждал заступников за крестьянство, страдальцев о его доле»⁴⁷.

В. Я. Шишков оказался одним из «возвеличенных» писателей, которым в конце 1920-х гг. Горький перестал доверять, возлагая надежды на новых «мастеров культуры» из рабочего класса. Шишков вскоре отчетливо осознал это. 2–9 июня 1933 г. он писал П. С. Богословскому в ответ на добрые слова о новом романе: «Похвал за “Угрюм-реку” мне никаких не будет: я лично не знаком с И. В. Сталиным, не служаю М. Горькому, вообще — веду себя так, что не имея высоких общественно-говорильно-ораторских заслуг, не сумел, видимо, заслужить к себе благорасположения “критиков”. Если Горький скажет: “да, хорош роман”, тогда меня критика до полусмерти зацелует, заласкает, хотя бы роман был и плох. Если же Горький, вычитав на 1000 страницах произведения 15 стилистических ошибок, скажет: “написан

⁴⁵ Там же. С. 228.

⁴⁶ Из переписки А. М. Горького / Подгот. текста З. Черновой, комм. С. Заики, Л. Спиридоновой, З. Тихоновой // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 215.

⁴⁷ Примочкина Н. Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х годов. Изд. 2-е, доп. М.: РССПЭН, 1998. С. 25.

небрежно, безграмотно”, — тогда критика разнесет меня в пух и прах, прямо — распистонит, хотя бы роман был и хорош. Таким образом, все зависит от планиды, от счастья, в какую струю попадешь, и все ли в добром здравьи будет Алексей Максимович во время чтения романа»⁴⁸. Предчувствия его не обманули. Резкие оценки Горьким «Угрюм-реки» известны⁴⁹.

Отношение к судьбе русского крестьянства в новом обществе, по-видимому, стало одним из значимых идейных расхождений Горького и Шишкова. Мягкий и уступчивый Шишков умел проявлять твердость в принципиальных вопросах. Повесть «Дикольче», очевидно, не была для него проходным и второстепенным произведением. «...В 1945 году, перед смертью, писатель, как свидетельствует авторский экземпляр “Звезды”, перечитал повесть “Дикольче”, внес небольшие поправки, сделал примечания и ничего существенного в ней не изменил. Дрожащей от слабости рукой Вяч. Шишков поставил дату и расписался, как бы еще раз, через полтора десятка лет после написания повести, утверждая все запечатленное и высказанное в ней»⁵⁰.

⁴⁸ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 3. № 232. Л. 34–34(об).

⁴⁹ См.: Архив А. М. Горького. Т. XI: Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М.: Наука, 1966. С. 333–334; *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. С. 367.

⁵⁰ Яновский Н. Н. Вячеслав Шишков: Очерк творчества. М.: Художественная лит-ра, 1984. С. 148.